

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

THE ROLE OF DISCIPLINARY PRACTICES IN THE PROCESS OF INDIVIDUALIZATION OF MODERNIZING SOCIETIES

A. Klimovich

Summary. This article reviews the problem of the interaction of the process of individualization of modernizing societies with the nature of the regulatory framework. The genealogy of disciplinary practices is considered in the perspective of influencing the social aspect of the formation of a subject. The possible risks of social pathologies associated with the development of disciplinary practices in the field of normative regulation are indicated. A brief analysis of the causes of these pathologies is made, a number of recommendations are given to overcome them and to harmonize modernizing societies.

Keywords: Individualization, modernization, social regulation, disciplinary authority, panopticon, external and internal coercion.

Климович Александр Павлович

*Финансовый Университет при Правительстве РФ
allexgut@gmail.com*

Аннотация. В данной статье делается обзор проблемы взаимодействия процесса индивидуализации модернизирующихся обществ с характером нормативного регулирования. Рассматривается генеалогия дисциплинарных практик в перспективе влияния на социальный аспект формирования субъекта. Обозначены возможные риски социальных патологий, связанных с развитием дисциплинарных практик в области нормативного регулирования. Делается краткий анализ причин возникновения этих патологий, приводится ряд рекомендаций для их преодоления и осуществления гармонизации модернизирующихся обществ.

Ключевые слова: Индивидуализация, модернизация, дисциплинарная власть, паноптикум, внешнее и внутреннее принуждение, социальное нормирование.

Как было замечено Георгом Зиммелем, индивидуализация является структурным феноменом современного общества, беря своё начало в разделении труда и в обретении участниками специфических ролей [8, с. 52]. Развитие общества модерна, сопровождающееся индивидуализацией, требует новых интеграционных связей, способных стабилизировать постоянно усложняющееся общество. Усиление интеграции достигается за счёт повышения требования контроля и дисциплины. Как показал Норберт Элиас, это требование всё больше возлагается на самого индивида, переставая быть прерогативой внешних, государственных инстанций [3, с. 312].

Традиционно считается, что в процессе индивидуализации субъекту предоставляется дополнительная степень независимости и автономии. При таком подходе, индивидуализация классически понимается как освобождение от традиционных связей и с этой точки зрения рассматривается как эмансипационный процесс. В контрасте с этой точкой зрения можно рассматривать индивидуализацию в перспективе анализа контролируемых форм. В таком представлении смягчение ограничений, продиктованных традицией, замещаются активной практикой самоограничения. В этом случае человек предстаёт как автономный, сам себя подчиняющий субъект. Под автономией следует понимать одновременное наличие двух моментов.

С одной стороны, автономия — это свободно произведённое действие, с другой стороны, это действие подчинено собственной разумной воле субъекта. Таким образом, индивидуализация не подразумевает анархическое устранение всех социальных связей, напротив, полагает установление новых. При этом предполагается, что против возникновения излишнего подчинения реализуется прогрессирующий процесс так, что субъект постоянно эмансипирует по отношению к враждебным, направленным против него принуждениям.

Есть достаточно оснований для того, чтобы выразить сомнение относительно последнего момента, а принимая во внимание критику Мишеля Фуко, это утверждение становится ещё более спорным. Во-первых, из анализа практики современной жизни можно сделать вывод, что дисциплинарные формы генерируют не меньше контроля и ограничений, чем классические властные предписания. Рассмотренный в такой перспективе процесс модернизации позволяет по-новому взглянуть на индивидуализацию, наталкивая на мысль о необходимости ревизии ценностных представлений об этом явлении. Кроме того, подвергается сомнению и тот факт, что процесс модернизации, при котором происходит замена внешнего контроля на внутренний, обязательно, является процессом прогрессивным и имеющим отношение к эмансипации.

Так, например, в современном обществе уровень саморегуляции граждан достаточно высок, и это, безусловно, оказывает влияние на то обстоятельство, что сегодня нет необходимости проявления грубой силы, которая регулярно применялась в прошлом. Но всё же актуальным остается вопрос: не приведет ли современный контроль аффектов, позволивший произвести этот переход, может быть, к ещё более сильной форме ограничения, и не превратится ли он в тотальный контроль, за которым последует подавление субъектом значительной части своих собственных внутренних желаний и страстей?

Кроме того, стоило бы поставить под вопрос представление, что субъект, в широком диапазоне действий контролирует себя сам. Не секрет, что в современном мире человека до самого глубокого основания формирует культурная формация, институциональные структуры и языковые шаблоны.

Анализ факторов, от которых зависит становление субъекта, подрывает представление о нем как о независимом, способным на самоопределение существе. Такое видение было характерно для гуманистической эпохи, в которой человек являлся центром и высшей ценностью. В этой связи, Фуко, указывая на окончание этой эпохи, утверждает, что последствием является парадоксальное исчезновение самого субъекта. Он описывает этот процесс известной фразой — «человек исчезает, как рисунок на песке морского берега» [47, с. 462].

Весьма остроумное рассмотрение делает Фуко, анализируя изменения, произошедшие за последние двести лет в области репрессивных техник, применяемых в качестве наказания. Он обращает внимание на тот факт, что тело перестает быть центральным объектом наказания. Публичные, показательные казни, проводимые с намеренной демонстрацией жестоких телесных истязаний, направленные на устрашение зрителей, иллюстрация силы, символизирующая повсеместное присутствие власти суверена, постепенно сменяются более мягкими и менее показательными формами наказаний. Происходит не просто гуманизация репрессивной системы, но меняется сама логика наказания, что, несомненно, отображает и смену логики власти [28, с. 144]. Остановимся на этом моменте несколько подробнее.

Можно обобщенно сказать, что в период до девятнадцатого столетия доминирующая парадигма власти была конституирована как власть суверена. Установление монархических держав того периода наглядно иллюстрируют расцвет авторитарной системы управления. Интегрирование, стабилизация и упорядочивание общества в тот период осуществлялось посредством установления монополярной власти монарха, которая тем или иным образом должна была проникать в жизнь каждо-

го члена сообщества, регулируя поведение отдельного субъекта. Одной из эффективных методик обеспечения повсеместного присутствия суверена являлась практика публичного, демонстративного наказания. Казнь в виде шоу как нельзя лучше выполняла эту функцию. Будучи разновидностью массового зрелища, она должна была соответствовать этому жанру. Эмоциональность и выразительность, как обязательные атрибуты любого зрелища, присутствовали и на официальном мероприятии лишения наказуемого жизни. В нем обязаны были воплотиться все атрибуты театральности: от конструкции сцены и декораций до распределения ролей, ярких костюмов, и даже наличия сценария, автором которого, как правило, являлся сам суверен. В течение следующих ста лет всё радикально меняется. Девятнадцатый век приносит значительные изменения, связанные, прежде всего, с индустриализацией общества, в связи с чем меняются сами принципы властных структур. На смену монополярного произвола суверена вступает власть закона. Идеи просвещения, провозглашающие равенство всех людей, находят отражение в политическом устройстве общества. В такт с этими преобразованиями меняются и репрессивные практики. На смену суверенного управления приходит эпоха дисциплинарного общества.

В отличие от общества суверена, где реализовано дискретное, жёсткое кодирование да/нет, в дисциплинарном обществе находит место плавное, мягкое кодирование, подразумевающее целый спектр возможных значений. Репрессивные практики становятся более претенциозными, нюансированными. Отныне они не ориентированы на сегмент телесного начала, поэтому тело перестает быть объектом репрессий. Истязание, увечья или поэтапное физическое умерщвление тела отныне не являются частью системы контроля. Таким образом, тело уходит из-под гнёта наказания, и объектом репрессий становится человеческая душа. Физические страдания должны заменить страдания психические, и как идеал исполненного наказания — муки совести провинившегося. Отсюда переход от физического к дисциплинарному санкционированию, при котором коренным образом претерпевает изменение цель наказания. В обществе суверена наказание, в основном, нацелено на устрашение субъекта. Показательные казни периода великих монархий были призваны вызывать страх у зрителей, дабы неповадно было повторение содеянного преступником, в этом была главная цель шоу публичной казни, которое проводилось в стиле грандиозного карнавала.

В дисциплинарном обществе наказание, прежде всего, направлено на перевоспитание субъекта. Находящаяся капиталистическая идеология — из всего извлекать прибыль, и здесь нашла свое отражение. Формирующемуся обществу предпринимателей стало

очевидно, что существенно более выгодно перевоспитание преступника, чем его увечье. Для реализации цели перевоспитания субъекта идеально подошло наказание в виде тюремного заключения. Именно поэтому в это время возникает и широко распространяется важнейший институт дисциплинарного общества — институт тюрьмы [1, с. 151].

Тюремная дисциплина предписывает строгий регламент для заключенного. Тюрьма организуется как место, где регулированию и контролю подвергаются все измерения человеческого бытия. Регулирование пространства выражается в строгом соблюдении границ пребывания заключенных. Для этого зона тюрьмы всегда огораживается непроницаемой стеной. Стена становится важным функциональным атрибутом дисциплинарного общества, постепенно превращаясь в его символ. В двадцатом столетии этот символизм достигает экстремального значения, становясь ключевым культурным кодом. Не случайно падение стены, разделявшей восточный и западный Берлин в 1989 г. стало эпохальным событием второй половины ушедшего столетия, отметив собой наступление другой исторической эпохи. Наряду с пространственным регулированием строгому контролю подвергается временная составляющая. Так, например, регламентирование времени в тюремной дисциплине отражено строгим расписанием распорядка дня заключенного [1, с. 92]. Следует особенно отметить, что именно тюремная дисциплина, сформировавшаяся как эффективная практика конструирования субъективности, а точнее, в случае с заключенным, как практика реконструирования субъективности, стала образцом для новой формы индивидуализации. Запрос капиталистического общества на эффективность отразился и на требовании к становлению субъекта. Практика тюремной дисциплины, оказавшись весьма эффективным средством, нашла своё отражение в формировании принципов множества институтов современного общества. Она оказала существенное влияние на регулирование как социального, так и индивидуального пространства. Строгая подчиненность временному распорядку — явление, знакомое каждому субъекту, так или иначе относящего себя к современной цивилизации, в сущности, берет свое начало в практике тюремного быта. Причиной распространения влияния тюремных практик на все сферы жизни современного общества являлась их направленность на перевоспитание субъекта.

Однако не только институт тюрьмы был активно задействован в процедуре ресоциализации. На протяжении веков перевоспитанием субъекта занималась и церковь, причем на свой манер, подвергая внутренней духовной трансформации не только преступников, но и всех членов религиозной общины. Задачей церковного перевоспитания людей было очищение от грехов

с целью спасения их душ. Несмотря на то, что за плечами церкви был многовековой опыт моделирования субъекта, всё же этому институту не суждено было стать образцом и шаблоном для построения организации современного социального пространства. Исправно решая задачу социализации классического общества, институт церкви, являясь крайне консервативной организацией, был неспособен принять на себя решение вопросов, продиктованных новой повесткой дня. Для исправного функционирования вновь нарождающегося капитализма было крайне важно в ограниченные сроки создать эффективную машину для реабилитации преступников и нарушителей, причем речь шла не только об уже состоявшихся правонарушениях, но также и о потенциально возможных. В капиталистическом обществе решение этой задачи возлагается на государство. Во исполнение этой задачи государство, во-первых, осуществляет контроль за деятельностью субъекта вообще и в частности, особое внимание уделяя контролю за развитием субъекта, то есть контролю за тем, как осуществляется его новая, вторичная субъективация. В конечном итоге цель надзирающего государства состоит в том, чтобы вырастить нового, неопасного для общества субъекта.

Процесс оптимизации контроля насчитывает многолетнюю историю. Так, одним из первых рационализаторов процесса надзирательства был известный английский философ-утилитарист Иеремия Бентам. Предложенная им модель идеальной тюрьмы Паноптикум была описана уже в 1791 г. [2, с. 221]. Идеальная тюрьма, в которой камеры заключенных располагались радиально вокруг единого центра и, имея прозрачную стену, обращенную к этому центру, могли беспрепятственно просматриваться из пункта наблюдения, расположенного в этом центре. Контроль, осуществляемый из одной точки, мог в любое время быть направлен на любого заключенного, таким образом каждый заключенный, находясь в состоянии постоянного наблюдения, превращался в идеального заключенного. Не видя охранника, он не знал, в какой именно момент тот бросит на него свой грозный надзирающий взгляд, тем самым погружался в состояние ощущения перманентного контроля, вынуждающего его к постоянному следованию требованиям тюремного распорядка. Осуществление процедуры контроля непосредственно за каждым узником потребовало бы наличие такого количества охранников, численность которых должна быть равной количеству заключенных. Но в модели идеальной тюрьмы каждый заключенный постоянно находится под контролем своего «воображаемого надзирателя». Привыкая к постоянному ощущению внешнего контроля, заключенный не освобождается от него, даже покидая стены тюремной камеры. Теперь находясь на свободе, он всё ещё продолжает ощущать на себе взгляд этого всевидящего наблюдателя, мимо взгляда которого

не пройдет ни одно противоправное действие заново социализированного субъекта. Такой принцип анонимного контроля оказывается необыкновенно действенным и существенно более дешёвым чем традиционные методы. Эффективность метода оказывается решающим фактором в условиях формирования капиталистического, индустриализирующегося общества. Поэтому он получает широкое распространение, оказывая влияние на формирование других институтов — таких, как армия, фабрика, воспитание, образование и прочее.

Итак, в отличие от власти, осуществляемой сувереном, являющейся властью видимой и демонстративной, власть дисциплинарного общества реализуется невидимо. Вместе с тем, что на определённом этапе развития общества власть суверена упраздняется, всё же в социальном пространстве не возникает вакуума безвластия, но образуется новый тип власти — дисциплинарный.

Дисциплинарная власть принимается субъектом как плата за реализацию индивидуального права. Именно понятая таким образом и реализованная в формате, соответствующем такому пониманию, она приобретает необходимую степень легитимации и имеет шанс достичь статуса эффективно действующей общественной силы. В целом, можно сказать, что условием эффективного действия дисциплинарного механизма является принципиальная готовность индивида добровольно выполнять то или иное требование. В случае если субъект не разделяет ценность предписываемого ему требования, тогда для обеспечения исполнения этой нормы потребовался бы существенно больший ресурс контроля, и в этом случае эффективность дисциплинарной системы значительно снизилась, и сама система потеряла бы привлекательность и конкурентоспособность. Условие принятия субъектом определённого дисциплинарного требования как ценности мы назовем условием морализации. Для того чтобы дисциплинарное требование принималось субъектом как оправданное, оно должно представляться ему как морально верное. Именно в этом случае можно рассчитывать на самоконтроль со стороны индивида.

Норберт Элиас, анализируя развитие западной культуры, приходит к выводу, что переход от внешнего контроля к внутреннему является ключевым моментом возникновения прогресса в обществе. Исследуя процесс цивилизации, он обращает особенное внимание на значение перехода от внешнего принуждения (*Aussenzwang*) к внутреннему (*Innenzwang*) [3, с. 313].

Явление перехода от внешнего принуждения к внутреннему существовало с начала формирования человеческой культуры, однако наступление эпохи модернизации отмечается ростом значимости этого феномена.

Усложняющееся, дифференцирующееся общество требует роста автономии и саморегуляции. На субъект возлагается увеличивающаяся нагрузка принятия самостоятельных решений, ведущая к росту ответственности, вследствие чего существенно возрастает процесс внутренней регуляции и самоконтроля. Из этого следует, что модернизация не отменяет принуждение, а только изменяет его, при этом пространство индивидуальной свободы должно возрастать. Казалось бы, индивидуализация должна способствовать развитию человека, освобождая его от традиционных связей, обеспечивать ему автономию и возможность самостоятельно определять жизнь. Однако при более внимательном рассмотрении реалий современного мира возникают серьёзные основания поставить это представление под сомнение.

Процесс перехода от внешнего принуждения к внутреннему в теории должен бы был приводить к становлению независимости и самостоятельности субъекта. По большому счёту, этот процесс стоило бы назвать процессом становления самого субъекта как такового, процессом его индивидуализации. Однако на практике действия субъекта вместо самостоятельного и независимого выбора представляют собой типовое, клишированное поведение, основанное на повторении шаблона. Анализируя социальное пространство постмодерна, можно сказать, что в современном обществе каждый выбирает свой «собственный» путь, но из ограниченного списка предлагаемых альтернатив. Стандартизация образа жизни, типовое поведение, определяемое штампом дисциплинарных практик, становится обыденной социальной реальностью. Для современного человека чуть ли не обязательным считается следование принятой социальной нормой, выраженной в принуждении себя к карьерным устремлениям, посвящению жизни зарабатыванию материальных и социальных благ и, конечно, наслаждению, извлекаемому из их потребления. В этой связи как не вспомнить коллаж, сделанный в 1956 г., основателем знакового для постмодерна стиля современного искусства — поп-арта, Ричардом Гамильтоном, названный им: «Так что же делает наши сегодняшние дома такими разными, такими привлекательными?» В современном мире индивидуальность формируется выбором из списка предложенных торговых марок, сводится к копированию ограниченного перечня стилей поведения, редуцируется к подражанию эталонному поп-кумиру.

Сообразно этому принципу формируется современная система образования, строясь на типизации методик обучения, сокращении разнообразия и вариативности, сведении экзаменационной техники до примитивного «мультичойс», бюрократизации регулирования школ и университетов на всех уровнях управления. Оказывается, что на деле в современном обществе капита-

лизма реализуется не истинная индивидуализация, как формирование автономности субъекта, а её видимость. Индивидуальность подменяется шаблонным паттерном, стандартом поведения, при этом примечательно, что человек не подвергается прямому насилию, а добровольно выбирает «свой собственный» образ жизни.

При таком подходе выглядит затруднительным не только тезис автономии субъекта, но и сам субъект становится нестабильным продуктом изменчивого дискурса и формации власти. Как такое могло произойти, что вытеснение внешнего контроля внутренним в конечном итоге приводит не к раскрытию индивидуальности, а, как выразился Фуко, к «смерти субъекта»? [4, с. 462] Ответ на поставленный вопрос можно найти, если внимательно рассмотреть саму суть дисциплинарных практик, получивших распространение в современных модернизирующихся обществах.

Методологически эти практики реализуются как техники самопринуждения. Конкурентной степени эффективности саморегуляции они достигают благодаря механизму морализации соответствующих дисциплинарных норм. Подобно процессу морализации долга описанной в «Генеалогии морали» Ф. Ницше, происходит аксиологическая легитимизация современных дисциплинарных норм. [7, с. 3] Отличие состоит в том, что аналитика Ницше основывается на рассмотрении всего исторического периода формирования западной культуры, в том числе принимая во внимание и долгий доисторический период становления субъекта. Анализ дисциплинарного общества концентрируется на исследовании процесса переформатирования субъекта в социальном пространстве модерна. Это отличие масштабов иллюстрирует, насколько динамично протекает процесс модернизации и насколько высокую степень гибкости и адаптивности должны были проявлять соответствующие этому времени процедуры реконструирования субъекта. Неудивительно, что решение этой задачи не мог на себя взять традиционный для западной цивилизации способ становления субъекта, формирующийся этикой христианства. Ему на смену приходит существенно более подвижный, освобождённый от многовекового балласта исторической традиции способ дисциплинарного регулирования.

Осваивая процедуру морализации, дисциплинарные практики выходят за рамки простой прагматической калькуляции субъектом выигрыша от преступления установленной нормы и проигрыша от возможного наказания за это преступление. Они перестают быть ценностно-индифферентными и обретают в перспективе субъекта вполне конкретную аксиологическую значимость. Переступая границы экономического рационализма, дисциплинарные практики превращаются в мо-

ральные нормы, легитимируются субъектом, а затем начинают действовать от имени самого субъекта. Отныне они сами являются частью субъекта, выражая его индивидуальный, якобы самостоятельный выбор.

При внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что сформированный таким образом самоконтроль лишь внешне напоминает реализацию свободы субъекта, на деле являясь завуалированным внешним принуждением. В такой схеме полицейский контролер не стоит рядом и не диктует нормы и правила поведения, не отдаёт приказы, угрожая немедленной расправой. Отныне он имплантирован в сознание индивидуума и остается с ним на протяжении всего времени. Двадцать четыре часа в сутки находится субъект под пристальным контролем надзирателя, который не оставляет без внимания и сны своего подопечного. Воздействие культуры на человека оказывается колоссальным. Как отмечает основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, действие в человеке контролирующего механизма «сверх-Я», неразрывно связано с образованием процедуры самоконтроля, осуществляемого посредством культуры:

«...культура преодолевает опасные агрессивные устремления индивидов — она ослабляет, обезоруживает их и оставляет под присмотром внутренней инстанции, подобной гарнизону в захваченном городе» [5, 148 с.].

Таким образом, то, что кажется современному человеку, участнику демократического общества, свободой выбора и выглядит на первый взгляд как его собственное решение, переживается им как самостоятельно сделанное волеизъявление, на деле оказывается лишь реализацией механизма дисциплинарных практик, плотно удерживающих субъект в рамках чётко регламентированных и точно выверенных возможных альтернатив, предоставляемых системой в качестве имитации свободного выбора. Пожалуй, никогда человек так внимательно и так тщательно не контролировался внешней системой, как в современном демократическом обществе.

Стоит еще раз отметить, что именно нормативное регулирование играет центральную роль в этом процессе становления автоконтроля. Морализация дисциплины занимает ключевое значение в механизме «вживления» внешних дисциплинарных практик в сознание субъекта. Только проходя процедуру морализации, они воспринимаются субъектом как свои собственные, и на основании этого реализуется дальнейший механизм самопринуждения. Отметим, что цель морализации дисциплины достигается самыми различными способами. Можно сказать, что весь контекст современного нормативного дискурса в каком-то смысле посвящён этой задаче.

По крайней мере, он отражает, фиксирует, каталогизирует различные механизмы обозначенного процесса морализации.

Обобщая вышесказанное, становится понятным, почему процесс субъективизации, процесс становления эмансипированного индивидуума посредством самоограничительных практик не достигает реального становления индивидуализации, а лишь имитирует ее. Имплантированные дисциплинарные практики, на деле не являясь частью индивидуума, проникают в него посредством репрессивных институтов современного общества. Проявившие себя в качестве эффективных моделей регулирования, как нельзя лучше удовлетворив запрос капиталистической системы экономических отношений, они выиграли конкуренцию у архаических дорогих и неэффективных систем авторитарного управления. Принося в качестве платы стабильное экономическое благоденствие, они, тем не менее, не позволяют человеку реализовать независимое, самостоятельное существование. Дисциплинарные практики, проникая глубоко в индивидуальность субъекта, смешиваются с ней и от его имени управляют его решением. Редуцируя выбор субъекта в плоскость покупательского поведения, низводят его до уровня современного идеального потребителя.

Следует отметить, что проблема манипуляции субъектом через посредство морализированных дисциплинарных практик отнюдь не решается путём совмещения старой, архаической методологии авторитарной директивы с элементами современного экономического управления. Напротив, такая гибридизация приводит к наиболее сильным и ярко выраженным формам насилия над человеческой индивидуальностью. Авторитарная форма правления, выражающая интересы ограниченного круга лиц (а в более острой форме персональные интересы диктатора), использует механизмы манипулирования субъективным мнением. Имплантированная вышеописанным способом дисциплинарная норма, отражающая в контексте авторитарного общества уже не интересы среднего класса или какой-то социально значимой группы людей, как это происходит в демократических системах, а интересы отдельной личности правителя, представляет собой еще большую опасность для субъекта. Эта опасность заключена в том, что субъект, действуя против своих собственных интересов, тем не менее, сохраняет убеждение в том, что именно таким образом он их отстаивает.

Примером может послужить широко распространенная практика, когда население авторитарного государства поддерживает репрессивные действия своего правительства, при этом не получая взамен ничего, кроме неэффективной политики управления, приводя-

щей к отставанию в развитии государства и обнищанию своего населения. В таком случае индивидуум лишается не только своей реальной свободы выбора (как мы выяснили, этот процесс присущ и современным демократиям), но и элементарного физического достатка, не говоря уже о рисках, связанных с более жесткой формой непосредственного насилия, отсутствием независимых судов, элементарной защиты личной (физической) и имущественной безопасности.

Но если проблема манипулирования субъектом в современном дисциплинарном социальном пространстве возникает как при распространении дисциплинарных практик, так и при частичной реставрации архаических норм и гибридизации их с современными методами контроля, то в каком направлении обществу следует искать выход?

На наш взгляд, для решения этой проблемы следовало бы еще раз обратиться к ницшеанскому анализу генеалогии морали. [7, с. 47] Его рецепт переоценки ценностей хоть и выглядит весьма абстрактно и в условиях современной реальности, требующей эффективных и применимых на практике решений, представляется, скорее, как поэтическая аллегория, всё же содержит в себе живое основание, способное принести вполне конкретные практические плоды. Впрочем, если посмотреть более внимательно, эти плоды уже появились, например, в аналитических суждениях Фуко, весьма удачно пересадившего ницшеанскую парадигму на почву современного постмодернизма. Аналитика дисциплинарного общества значительно проясняет и актуализирует идею Ницше. В терминах дисциплинарного постмодернистского анализа переоценка ценностей звучит уже не как некоторое аллегорическое иносказание, но представляется как вполне предметная работа по выяснению сути и анализу природы имеющихся в современном обществе конкретных дисциплинарных практик.

На наш взгляд, ключевым моментом становится вопрос применимости и целесообразности этих дисциплинарных практик. Критическая постановка вопроса об оправданности той или иной дисциплинарной нормы — это путь, который может вывести современного субъекта из той социальной зависимости, в плену которой он оказался. Это путь осознанного требования минимизации дисциплинарного давления на субъект.

Пожалуй, никто не будет спорить, что дисциплина является необходимым и важным приобретением эволюционного развития. Чего стоит хотя бы тот факт, что дисциплина обеспечивает фундамент, на котором базируются индивидуальные права человека. Но злоупотребление дисциплинарными практиками наносит вред самому субъекту, крадёт его индивидуальность, неиз-

бежно ведёт к самоуничтожению субъективности как таковой. Вне всякого сомнения, дисциплинарные практики должны быть оправданы там, где нельзя без них обойтись. Там же, где они не являются необходимыми, их морализация сама является разновидностью морального преступления.

Однако стоит особенно подчеркнуть, что как навязывание излишних дисциплинарных практик, так и навязывание их упразднения остается разновидностью внешнего управления, не имеющим ничего общего с истинной индивидуализацией и становлением ответственного эмансипированного субъекта. Вне всякого сомнения, окончательный выбор относительно самоограничительных рамок должен принимать сам субъект, опираясь на самостоятельный анализ и оценку окружающей действительности. В этом состоит центральный принцип эмансипации и центральная идея, провозглашенная эпохой Просвещения. Иметь мужество использовать свой разум — так формулирует идею просвещения Иммануил Кант.

«Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке ре-

шимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [6, с. 481–494].

Только сам субъект должен справиться с этой задачей. Помощь извне обозначала бы капитуляцию субъекта и впадение его опять в состояние несовершеннолетия. Между тем, как следует из нашего рассуждения, общественное пространство должно организовываться таким образом, чтобы способствовать субъекту выйти из этого состояния несовершеннолетия, наделять субъекта обязанностью принимать решения и тем самым давать ему возможность отвечать за последствия принятых им решений. Только таким образом можно достичь действительной индивидуализации, а не ее имитации.

В заключение отметим, что вопрос о том, является ли процесс той самой, описанной выше, истинной индивидуализации, ценностью как таковой, или же ценность независимости субъекта не является абсолютной, по нашему мнению, всё же должен оставаться открытым. Цель рассуждения состояла не в том, чтобы найти ответ на этот вопрос, скорее, наоборот, мы пытались показать принципиальную неразрешимость этого вопроса и необходимость отнесения этой проблемы исключительно к компетенции самого эмансипированного, независимого, самостоятельно мыслящего автономного субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва: Ад Маргинем, 2015—416 с.
2. Bentham J. Das Panoptikum / J. Bentham, C. Welzbacher. — Berlin: Matthes & Seitz, 2013.
3. Elias, N. Über den Prozess der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. In 2 Band. Bnd. 2. Wandlungen der Gesellschaft: Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation / N. Elias. — Frankfurt am Main: Suhrkamp 2010. — 491 s.
4. Foucault, M. Die Ordnung der Dinge. Eine Archäologie der Humanwissenschaften / M. Foucault. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. — 470 s.
5. Freud, S. Das Unbehagen in der Kultur / S. Freud. — Leipzig: Reclam Philipp jun, 2010. — 148 s.
6. Kant, I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? / I. Kant // Berlinische Monatsschrift. — 1784. — H. 12. — 729 s.
7. Nietzsche, F. Zur Genealogie der Moral (1887). Götzen-Dämmerung (1889) / F. Nietzsche. — Hamburg: Felix Meiner Verlag; 2014. — 313 s.
8. Simmel, G. Der Konflikt der Modernen Kultur /G. Simmel. — Charleston: Biblio Bazaar, 2009. — 52 s.

© Климович Александр Павлович (allexgut@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»